

DOI 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-74-87

УДК 314.1+316.7

Н. А. Добронравин

Музей антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4248-5857
E-mail: dobronravinNA@kunstkamera.ru

Этнические генеалогии и миграции в Сахеле

АННОТАЦИЯ. Этнические генеалогии многих народов Сахеля, от Сенегала и Мавритании до Судана, связаны с преданиями о миграциях. У народов, давно принявших ислам, генеалогии восходят к пророкам, сподвижникам и родственникам Мухаммада, военным и политическим деятелям Арабского халифата и Османской империи. Общности, принявшие ислам в XIX–XX вв., возводят свое происхождение к кораническим народам древности и противникам ислама. Этнические генеалогии народов, сохранивших элементы доисламской культуры (так называемых анимистов) или принявших христианство, также испытали влияние коранической традиции, доминирующей в Сахеле. В статье предлагается классификация этнических генеалогий — авторских и узколокальных (в одной семье/местности), региональных и распространенных за пределами региона. В наши дни некоторые этнические генеалогии народов Сахеля стали частью глобальной африканской традиции и продолжают дополняться деталями как в Африке, так и в диаспоре.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Сахель, этнические генеалогии, миграции, ислам, «вновь открытые» традиции

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Добронравин Н. А. Этнические генеалогии и миграции в Сахеле. *Этнография*. 2024. 4 (26): 74–87.
DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-74-87

N. Dobronravin

Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4248-5857
Email: dobronravinNA@kunstkamera.ru

■ Ethnic Genealogies and Migrations in the Sahel

ABSTRACT. Ethnic genealogies of many peoples of the Sahel, from Senegal and Mauritania to Sudan, are associated with migration legends. Among people who have long adopted Islam, genealogies go back to the prophets, Muhammad's companions and relatives, and the military and political figures of the Arab Caliphate and the Ottoman Empire. The communities that adopted Islam in the nineteenth and twentieth centuries trace their origin to ancient Quranic peoples and adversaries of Islam. The Quranic tradition dominating the Sahel also influenced the genealogies of those who retained some pre-Islamic culture ("animists") or adopted Christianity. It is usually impossible to separate real migrations from genealogy transfers, a challenge that this study has attempted to address. Very few such migrations are confirmed by historical sources. The dissemination of ethnic genealogies derived from hypothetical Muslim ancestors or prominent non-Muslims from the Quranic tradition was associated with forming regional religious networks of Sufi brotherhoods. However, transmitting historical legends was not an obligatory part of such brotherhoods' advancement in the Sahel. The article proposes a classification of ethnic genealogies (coined by individual scholars, one-family/area, regional and supra-regional). Some genealogies have become part of the global African tradition, and they are still enhanced with details both in Africa and in the diaspora.

KEY WORDS: the Sahel, ethnic genealogies, migration, Islam, "newly-discovered traditions"

FOR CITATION: Dobronravin N.
Ethnic Genealogies and Migrations in the Sahel.
Etnografia. 2024. 4 (26): 74–87. (In Russian).
DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-74-87

ВВЕДЕНИЕ

Все народы мира от кого-то происходят, не бывает безродных народов — такова традиция, общая для иудеев, христиан и мусульман. Вне сферы влияния авраамических религий этногенетические предания намного более разнообразны и не ограничиваются происхождением одного народа от другого (а в конечном счете — от Адама). Например, происхождение некоторых народов Африки восходит к тростнику (зулусы), великому змею (венда), павианам (сан), а также к культурным героям, пришедшим с неба (руанда). Изучение этнических генеалогий позволяет лучше понять локальные особенности этногенеза.

Европейские ученые долгое время рассматривали библейские и коранические генеалогии как исторические свидетельства о происхождении народов. К концу XIX в. исследование подобных преданий перешло в область фольклористики либо стало уделом любознательных дилетантов. Так, на III Международном съезде ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 г. с докладом «О тюрках, татарах и монголах» (“On the Turks, Tatars and Mughals”) выступил отставной майор британской Бомбейской армии Х. Дж. Раверти. Опираясь на мусульманские исторические сочинения, докладчик попытался объяснить различие между татарами и монголами:

Говорят, что Йафис, сын Нуха, на происхождение от которого претендуют тюрки и все их ответвления, после того как он вышел из ковчега вместе со своим отцом, был послан им на восток. <...>

У Йафиса было восемь сыновей: 1. Тюрк, 2. Чин, 3. Хурз, 4. Саклаб (также Чаклаб), 5. Рус. <...>

Европейские писатели продолжают колебаться и ошибаться в отношении этих людей, потомков Йафиса, а между тем это просто как дважды два. Тюрки состоят из тех ветвей и ответвлений, которые произошли от Тюрка и его потомков до времен Таттар Хана и Мугал Хана, которые дали имя двум ‘ймакам (аймакам. — *Н. Д.*) Таттар и Мугал. Оба — тюрки по происхождению, но татары — не монголы, а монголы — не татары (Raverty 1879: 74, 123–124)¹.

В XX и начале XXI в. отечественные фольклористы изучали исторические предания Севера, Сибири, Кавказа и Средней/Центральной Азии. В этих преданиях широко представлены рассказы о происхождении народов. Изучались также исторические предания зарубежных народов, в том числе и африканских (см., например: Ольдерогге 1960; Матвеев 1977; 1978). Для данной работы особый интерес представляют исследования, которые проводились в районах доминирования ислама².

¹ Перевод цитат здесь и далее выполнен автором статьи.

² Автор признателен коллегам, участвовавшим в предварительном обсуждении доклада, который был положен в основу данной статьи.

ФАРАОН, ЕВРЕИ И ДРУГИЕ ПРАРОДИТЕЛИ НАРОДОВ САХЕЛЯ

У народов Сахеля с начала II тыс. н. э. господствующая религия — ислам. Доисламские традиции сохранились лишь в отдельных очагах, как правило, в труднодоступной местности. В большинстве областей Сахеля эти традиции стали частью фольклора, в том числе этногенетических преданий. Исторические предания народов Сахеля до сих пор передаются и устно, и письменно, в кратких генеалогиях и более подробных исторических «хрониках». Первые подобные записи сделаны в долине реки Нигер в XVII в. (см., например: Суданские хроники 1984).

С XIX в. и особенно в колониальный период было записано большое количество преданий о происхождении народа фульбе (фулани), в том числе группы тооробе (торонкава). В «Истории фулани» визирия Сокото Джунайду этническое предание тооробе и фульбе представлено следующим образом:

Они [торонкава] пришли из Дурисина в стране Шам... Их стало очень много, пока Укбу не послали воевать в Африку. Укба женился на дочери их правителя по имени Бадджу Мангу. Торонкава — из рода Рамы, сына Исы, сына Исхака, сына пророка Ибрахима. Бадджу Мангу родила от Укбы четырех детей: Дейта, Войа, Ророба и Наси. От них происходят все фульбе, они первыми заговорили на языке фула. Раньше торонкава говорили на вакоре (сонинке)... От детей Дейты произошло племя сонгай... (Junaidu 1956: 7)³.

С конца XIX в. записывались этнические генеалогии народов, говорящих на языках манден (бамана, манинка, диула). Некоторые из этих генеалогий первоначально бытовали в письменной форме, а затем распространились сказителями — гриотами. В подобных преданиях происхождение этой группы народов либо отдельных общностей и групп, объединенных одним именем (*джаму*), возводится в конечном счете к Билалу (Билали Бунама), муэдзину первой мусульманской общины. Несомненно, одним из оснований для такой родословной было то, что в исламской традиции Билал ибн Рабах известен как чернокожий сподвижник Мухаммада. После Билали в родословной, например, носителей джаму Кейта следовали имена его сыновей, в том числе Лавало, Латал Калаби, Дамал Калаби, Лахилатул Калаби (Niane 1960). Все подобные имена адаптированы к местному произношению, но нередко узнаваемы (например, Лавало — от арабского *al-awwal*, то есть ‘первый’). Само имя «Билали» обычно интерпретируется как включающее имя его матери-рабыни (Билал ибн Хамама).

Разнообразные этнические генеалогии были записаны в колониальную эпоху в долине реки Нигер, на территории древней империи Сонгай. Французский колониальный чиновник Жан Робен собирал такие предания

³ В этом предании — несомненное заимствование из Корана, видимо, речь идет о горе Синай.

в колонии Нигер, в основном у народа зарма (джерма). Некоторые легенды были связаны с древними деревнями, например с городищем на горе Кала:

Там обосновался великий колдун, которого звали Фаравани, принадлежавший к белой расе. Он был главой аристократии, правившей черным народом, следы которого были потеряны <...> У Фаравани был приспешник необычайного роста и силы по имени Ивазу, или Йу-хузу (Iwazou, You-Houzou); каждое утро он устно передавал распоряжения Фаравани людям, обосновавшимся на горе Назамне, примерно в десяти километрах отсюда; «комендант» Назамне также оповещал своего собрата с горы Йени, а тот — вождя, обосновавшегося на горе Койголо (Robin 1939: 401–402).

Ж. Робен предполагал, что подобные предания о Йухузу/Йухуджу, «по-видимому, представляют собой распространенное в суданских странах искажение коранических повествований о фараонах и евреях (Youhouduou, z [в языке] джерма [соответствует] dy [в языке] сонгай), смешанное с обычными преданиями о народе сверхчеловеческой силы или роста» (Robin 1939: 402).

Великан Ивазу, или Йухузу, с горы Кала — это, несомненно, коранический гигант ‘Удж, или ‘Аудж, уцелевший во время Всемирного потопа. В этнических генеалогиях Сахеля он обычно упоминается как Иваджа; к нему возводят происхождение народы, относительно недавно принявшие ислам (см., например: Krieger 1959; Добронравин 1999).

Историческую область Арева, давшую название одной из сторон света на языке хауса (Arewa = ‘север’), в наши дни населяет этническая группа арава (Arawa). В 1993 г. правитель арава (Sarkin Arewa) в городе Кангива (Нигерия, штат Сокото) говорил, что раньше всех в эти места пришел народ кянга (Kyanga, на языке хауса — Sangawa); когда-то они населяли всю страну вплоть до Кано. Кянга происходят от рода пророка Сулаймана, они были изгнаны за неповиновение, и джинн перенес их по воздуху в Африку, «на вершину мира». Правитель народа кянга (Kyanga — имя первого правителя, а затем царский титул и название всего народа) в деревне Кянгакой (Нигерия, штат Кебби) рассказал, что кянга и соседний народ зарма (на языке хауса — Zabarmawa) происходят от двух язычников — Зарандаби и Забаркани. Еще один соседний народ, буса (на хауса — Busawa), сражался с пророком Мухаммадом в битве при Бадре, а предки кянга и зарма не хотели воевать, построили большую хижину, перелетели в ней в Африку и долго бродили по Сахаре, пока не вышли к Гао, где они победили народ сонгай. Потом Зарандаби умер; из-за междоусобной войны кянга и часть зарма ушли вниз по течению реки Нигер. В Досо (в современной Республике Нигер) кянга построили для зарма колодец и продолжили движение, пока не нашли в Кянгакой колодец, который был лучше прежних (подробнее см.: Добронравин 2004).

Воевавший с Мухаммадом народ буса — основное население исторической области Боргу (в современной Республике Бенин, а также в соседних районах Нигерии и Нигера). Знать (а иногда и все население этой области) возводит свое происхождение к Кисре; на языке хауса правителей Боргу именовали «внуки Кисры» (подробнее см., например: Stevens 1975; Stewart 1980; Farias 1992; Kuba 1996; Akinwumi 1998). Европейские миссионеры и колониальные чиновники связывали предание о Кисре со следами древних миграций и влияния христианства, иудаизма или зороастризма в Сахеле, а также с особой ролью «белой расы» в создании местных политических образований. В постколониальный период такой подход был отвергнут африканскими учеными и политиками как образец расизма и колониальной антропологии. Однако некоторые исследователи продолжали рассматривать предания о переселениях с Ближнего Востока в Сахель как исторические свидетельства (см., например: Papadopoulos 1966; Lange 2009).

ЭТНИЧЕСКИЕ ГЕНЕАЛОГИИ ХАУСА: ОСОБЕННОСТИ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО АНКЕТИРОВАНИЯ

К началу XXI в. в Сахельском регионе почти не осталось народов, предания которых еще не были бы записаны и опубликованы. Есть специальные исследования, посвященные преданиям о происхождении сонгаев (включая зарма), хауса, а также туарегов и других кочевников Сахеля и соседних областей Сахары.

В некоторых районах Сахеля изучение этнических генеалогий проводилось систематически, на уровне отдельных деревень и групп населения. Например, в исторической области Адар (Республика Нигер) такими исследованиями занималась в 1960-х гг. Николь Эшар (Франция). Подробная анкета, которую разработали и использовали Николь Эшар и Марк-Анри Пио, вероятно, не имеет аналогов в Сахеле. В анкету французских этнографов вошли следующие вопросы:

Первопоселенцы. Имя основателя/имя *iri* (на языке хауса буквально ‘семья’, то есть кровнородственная группа. — Н. Д.) основателя/значение и первоначальная специализация этого *iri*?

Деревня происхождения предков. Регион происхождения? Эта деревня еще существует? Есть ли у них какие-либо связи с этой первоначальной деревней? Какие именно?

Почему основатель приехал сюда? Как он выбрал место? У кого он просил землю? Были ли здесь следы древней деревни/деревень? Кто мог их оставить? Какие деревни существовали поблизости на момент его прибытия? Вместе с кем пришел основатель (имя/деревня происхождения/*iri*/отношения с основателем)?

Путь между исходной деревней основателя и нынешней деревней.

Название деревни придумано первопоселенцами? Какова продолжительность пребывания их? Оставили ли они потомков?

Причины ухода из первоначальной деревни/нынешней деревни. Укажите земельные поселки/деревни, основанные жителями деревни/деревни, в которые они переселились.

Группы, прибывшие позднее. Имя первого прибывшего? Из какой деревни он прибыл? Какова его специализация по происхождению? Отношения с основателем?

Кто-нибудь из этих групп снова ушел? Кто? Куда? (Échard 1985: 15).

В анкете также рассматривались религиозные аспекты (не связанные с исламом), дни посещения рынков, традиционные титулы в изучаемых деревнях, отношения шуточного родства, брачные запреты. В качестве основной единицы исследования фактически, по-видимому, фигурировали не деревни или отдельные домохозяйства, а части деревень (кварталы); указывались сведения об общей численности жителей в кварталах, в том числе налогоплательщиков и не облагаемых налогами.

В итоге Эшар собрала в области Адар обширный и содержательный корпус сведений об этнических генеалогиях на локальном уровне. Следует отметить, что некоторые этнонимы и катойконимы (названия жителей деревень), собранные французской исследовательницей, никогда ранее не фиксировались или не встречались за пределами Адара. Были получены сведения и о крупных общностях, связанных с другими историческими областями (Гобир, Курфей). Согласно Эшар, происхождение жителей Гобира (Gobigawa) соотносилось с биографией пророка Мухаммада. Он основал несколько деревень/городов — Бирнин Масар (буквально — ‘город/столица Египта’), Медину, Стамбул, где жил повелитель правоверных, и Бирнин Губур к востоку от Мекки. Предки гобирава пришли из Губура (Échard 1975: 155). Жители области Курфей (Kurfeyawa) считали себя переселенцами из исторической области Борно, состояли в родстве с народом канури и гобирава, в шуточном родстве с хаусаязычными группами дарейава и магорова (Échard 1975: 139).

Дарейава (Dareyawa), по данным Эшар, были арабами, затем смешались с другими группами из-за браков. До прихода в Адар у дарейава был шрам под правым или под левым глазом. В прошлом они жили в Сороваль (к востоку от Мекки), затем переселились на запад и основали Дарей. В Дарей до прихода Агаббы (туарегов, в конце XVII — XVIII в.) правили 333 вождя (Échard 1975: 47). Жители деревни Магори, магорова (Magorawa), пришли в Адар с севера, из области Азбин (Аир), которую в наши дни в основном населяют туареги. Ранее правители Магори, Азбина и Адара вместе пришли в Агадес, столицу Азбина, из Стамбула. В Адар магорова переселились вместе с туарегами (Échard 1975: 52).

К Стамбулу восходит происхождение еще одной группы жителей области Адар, мамбава (Mambawa). Это потомки жителей Азбина (вероятно, туарегов), которые пошли в Стамбул, чтобы султан дал им правителя. Год спустя султан отдал им своего сына. Потом в Азбин пришла дочь султана, чтобы повидать брата. Через некоторое время у нее родилась дочь Мамба. Потомки Мамбы ушли из Азбина в Адар. Группа гунамава (Gunamawa) пришла из Стамбула и основала город Агадес. Согласно Н. Эшар, гунамава, видимо, не считали себя туарегами, но находились в шуточном родстве (*parenté à plaisanterie*, отношения между этническими или социальными группами и некоторыми родственниками, внешне выраженные в форме взаимных насмешек) с туарегами Азбина. Из Агадеса вождь Гунама Гу(н)тункулки (то есть Гунама Маленькая Дубинка) привел гунамава в тогда еще пустынный Адар. Еще одна хаусаязычная группа — шерифава (Sherifawa) — назвала себя туарегами по происхождению, однако само ее название указывает на связь с пророком Мухаммадом, а сведения, собранные Н. Эшар, отличаются явной многослойностью: шерифава — потоки марабутов суфийского братства Кадирийя, которые пришли в Азбин из Киренаики, охотники, при этом на груди у представителей данной группы — тагуировка в форме креста; из Азбина шерифава переселились в Адар (Échard 1975: 44, 139–141, 157).

Группа анванкарава (Anwankarawa, от *unwan karat* ‘три колодца’ на языке тамашек), согласно их преданию, прежде жила к северу от Мекки вместе с белыми туарегами-мусульманами. Анванкарава пришли в Азбин и поселились у трех колодцев, где уже жили туареги и азна (автохтоны). Потом эта группа переселилась в Адар и встретила с людьми, жившими в пещере или в зарослях. Из пещеры появились группы фоллакава (Follakawa), катамава (Katamawa), тукава (Tukawa). Их звали фенеками, потому что их родила самка фенека, они были покрыты шерстью, с хвостом (или: четырехглазые); потеряли шерсть, хвосты, глаза на затылке, когда вышли наружу (Échard 1975: 109–111, 114–115). Предание о хвостатых людях — обитателях пещер встречается не только в Адаре, но и в других районах Сахеля.

В области Адар были собраны и другие этнические генеалогии, иногда сугубо фольклорного характера. Например, о том, что деревню Кашефава основала старуха, упавшая с неба с калебасой вареных бобов. У нее родилось десять детей. По другой версии — сначала возникла деревня, а потом с неба упала Фаджимата (Фатима), женщина с пустой миской, и вышла замуж за бузу (вольноотпущенника туарегов) по имени Анусутан. Предание о женщине, упавшей с неба с каким-либо предметом посуды, также встречается в Адаре у кузнецов (Échard 1975: 128–130, 177).

Н. Эшар, следуя французской колониальной традиции, подчеркивала, что в Адаре, как и в других районах Республики Нигера, не существует народа хауса, а есть лишь язык хауса, на котором говорит большинство населения страны. В то же время она добросовестно констатировала, что

термин «хауса» используется шире — фактически как этноним, общий для всех изученных групп.

В постколониальном анкетировании Н. Эшар не нашли отражения некоторые относительно недавние исторические события. В первые десятилетия французского колониального режима принудительно создавались населенные пункты. Согласно Н. Эшар, в 1900 г. в Адаре было семь деревень, в 1930 г. — немногим более тридцати; при этом «между 1930 и 1937 гг. колониальная администрация создает более шестидесяти деревень, чтобы прикрепить людей (*pour fixer les gens*)» (Échard 1975: 19). Таким образом, исторические предания записывались отнюдь не в условиях длительного стабильного расселения. Напротив, это были воспоминания, неизбежно фрагментарные, о преданиях, уцелевших в процессе радикальной трансформации под внешним давлением. В анкете полностью отсутствовали вопросы о переселениях колониального времени.

Спасаясь от налогов и принудительных работ, многие жители Нигера переселялись в соседнюю британскую Нигерию. Нет оснований полагать, что этот процесс не коснулся области Адар. Оценивая сходную ситуацию в Дарфуре (Судан), Мартин Дейли писал:

Из-за многовековых потрясений в итоге вышло лоскутное одеяло, когда племена и части племен и кланов жили далеко друг от друга, среди или под властью других <...> То, что в результате смешанных браков арабоязычные племена приобрели африканские физические черты, очевидно, но патрилинейное происхождение, подкрепленное мусульманским законодательством, имеет тенденцию преувеличивать арабскую идентичность на этой границе ислама. Более того, племенные генеалогии связаны происхождением с Аравией и даже с племенем курайшитов и пророком Мухаммедом. Например, вся группа суданских арабских племен джа'алийин, преобладающих вдоль Нила, включающая в Дарфуре различные группы, которые мигрировали или были вытеснены на запад, утверждает, что происходит от ал-'Аббаса, дяди пророка. В свою очередь, бидайрийа, хавазма и части нескольких племен джавама'а претендуют на происхождение от джа'алийин, как, впрочем, и правящая семья [народа] фур по материнской линии. Вторая группа, арабы джухайна, берут свое начало от племени джухайна в Аравии, которые с армиями раннего ислама мигрировали в Египет и сыграли важную роль в завоевании Нубии в XIV в. <...> Важный момент — это текучесть и изменение, а не стагнация и навечно установленное положение в географическом, социальном или экономическом плане (Daly 2007: 11).

«ВНОВЬ ОТКРЫТЫЕ» ГЕНЕАЛОГИИ В САХЕЛЕ

Исторические предания народа сонинке, записанные в XIX–XX вв., включали в качестве прародителей евреев, персов-огнепоклонников (араб.

ал-маджус), а также исламских исторических персонажей, таких как первый муэдзин Биалал. В наши дни широко распространено представление о родственных связях между современными сонинке и древними египтянами. Автором этой концепции (вероятно, не единственным) был историк-любитель Адама Дrame, выдвинувший версию о связи общины сонинке с египетским городом Асуаном. Он обнаруживает два мотива этой миграции в Западную Африку: 1) мы были отстранены от власти; 2) мы бежали от засухи, из-за которой в стране настал неурожай⁴.

«Вновь открытое» происхождение сонинке удивительно быстро распространилось в сети; вскоре оно уже воспринималось как факт или как часть исторической традиции: «Устное предание гласит, что сонинке происходят из Асуана в Нубии на территории современного южного Египта. Из города, который они называют “Сони” на языке сонинке. Суффикс *-nké* означает ‘люди из...’, поэтому *Soni-nké* означает ‘люди Сони’»⁵.

Задолго до появления сообщений о заново открытом египетском происхождении сонинке Л. Е. Куббель писал о подобных генеалогиях:

Еще один вариант подобной подмены, особенно распространенный в докапиталистических классовых формациях, — фиктивные генеалогии (хотя возник он, по всей видимости, еще в эпоху классового образования, т. е. в обществе предклассовом). Так возникали родословные многочисленных шерифских семейств в мусульманском мире. Так формировались если и не шерифские, то, во всяком случае, арабские генеалогии династий и целых этнических групп в исламизованных странах Африки. Наконец, сюда же примыкает, скажем, и провозглашение «великим мусульманским государем» все того же Сундьяты Кейта, хотя весь основной корпус эпоса неопровержимо свидетельствует об органической связи этого персонажа с доисламскими верованиями, в частности с охотничьими культурами. Совершенно очевидно, что такая «коррекция» древнего эпоса могла произойти лишь в обстановке успешной экспансии ислама в Западной Африке за последние два столетия. Впрочем, вопрос о фиктивных генеалогиях представляет и самостоятельный интерес. В самом деле, в данном случае возможно бывало и образование как бы «квази-» или «псевдопучка», ориентированного из настоящего в прошлое и не имеющего в этом прошлом никакой реальной основы. Тем не менее этот квазипучок (который, строго говоря, не мог быть отнесен даже к вторичным культурным формам) мог восприниматься, а порой и сейчас воспринимается массовым сознанием как нечто очень древнее (Куббель 1985: 26).

⁴ L'ethnie Soninké est d'origine pharaonique, selon l'Égyptologue Adama Dramé habitué des temples de l'Égypte antique // Soninkara dans le web. URL: <https://soninkaradebu.wordpress.com/2018/07/20/> (дата обращения: 26.06.2024).

⁵ Koïta D. Histoire et société soninké: volume 3 L'arrivée des Soninkes au Wagadou dans le Sahel Occidental (Mauritanie/Mali) // Soninkara dans le web. URL: <https://soninkaradebu.wordpress.com/2019/06/09/> (дата обращения: 26.06.2024).

Соглашаясь с Л. Е. Куббелем в том, что касается относительно недавней «коррекции» этнических генеалогий Сахеля, следует отметить, что их едва ли уместно именовать фиктивными, поскольку подобные предания стали важным элементом этнической идентичности. Похожие примеры известны и в Европе. Так, классическая формулировка «наши предки — галлы», вероятно, имела мало общего с происхождением большинства французов, но до недавнего времени была частью французской национальной мифологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доколониальные этнические предания народов Сахеля, как правило, были связаны с рассказами о миграциях. Транссахарские религиозные контакты сопровождались передачей представлений о родословных, которые включали предков-мусульман, переселившихся в Билад ас-Судан с севера или востока. Отделить реальные переселения от передачи родословных, как правило, невозможно. Лишь немногие миграции через Сахару известны не только из преданий, но и по историческим документам.

Там, где ислам не укоренился в доколониальную эпоху, этнические генеалогии включали предков из числа коранических противников ислама и древних народов, чаще всего ‘ад и самуд. Народы Сахеля, которые остались анимистами (согласно современной официальной терминологии), или язычниками (согласно мусульманским и христианским воззрениям), не включали в свои предания заимствования из исламской или христианской традиции. Христиане Сахеля, как и «язычники», по-видимому, не заимствовали коранических и библейских представлений о происхождении народов.

Особенности бытования этнических генеалогий позволяют выделить несколько типов подобных преданий у народов Сахеля. Вероятно, самый распространенный тип можно определить как авторский или узколокальный. Доколониальные варианты авторских этнических генеалогий представлены в сонгайских хрониках XVII в. и сочинениях Мухаммаду Белло (начало XIX в.). Краткие «списки царей» нередко также включали предков-мусульман или прародителей, заимствованных из коранической традиции. Еще один пример узколокального или авторского предания — уже упоминавшаяся история о Фаравани и Ивазу, или Йухузу, которую опубликовал французский администратор Ж. Робен.

Некоторые генеалогии еще до европейской колонизации стали частью этнической и политической идентичности. Предания, в которых в качестве предка выступает Кисра, играли важную роль в формировании полиэтничной политической общности на севере современной Республики Бенин и в соседних районах Нигерии (историческая область Боргу).

Наконец, несколько этнических преданий в наши дни известны не только в традиционных ареалах их бытования. Яркий пример подобных генеалогий с исламским компонентом — предания мандингских народов

(бамбара, манинка, мандинка и др.). Главный герой преданий — Сундьята (Сон-Джара), или Сундьята Кейта. Происхождение всех мандингов, согласно этой традиции, восходит к черному муэдзину Билали, или Джон-Билали (букв. «Раб-Билали»). Согласно той же традиции, предком мандингских гриотов был Сураката, то есть Сурака исламской традиции, противник, а затем один из сподвижников пророка Мухаммада. В наши дни история Сундьяты известна и в странах Африки, и в африканской диаспоре. Еще один подобный пример — предание о Байаджиде, предке народа хауса. Прародитель хауса носил арабское имя (Абу Йазид), но его ближайшие потомки не были ни арабами, ни мусульманами.

Распространение ислама в Сахеле вплоть до недавнего времени проходило в форме религиозных братств (тарикатов). Выбор в пользу одного из тарикатов играл роль этноразличительного маркера. Транссахарская миграция исламских ученых и их сочинений привела к формированию обширных сетевых структур, которые сохраняют свое влияние и сегодня. Распространение этнических генеалогий, связанных с миграцией предков-мусульман или других персонажей коранической традиции, было обусловлено формированием религиозных сетей. Однако такая связь была скорее опосредованной. Распространение исторических преданий не было обязательной частью продвижения тарикатов у народов Сахеля. В результате бытование этнических генеалогий приобрело форму, напоминавшую скорее ризому (по Ж. Делёзу и П.-Ф. Гваттари), запутанную корневую систему растения, нежели стройную сетевую структуру.

Еще в начале XX в. другое «ботаническое» сравнение в том же контексте использовал Эдмон Дутте, описавший этническую ситуацию в оазисе Фигиг (Марокко):

Нет сомнения, что углубленное исследование показало бы еще более сложный состав, причем это касается не только подавляющего большинства агломераций Сахары в частности и Северной Африки в целом, но и кочевых племен. Поэтому очень неправильно, что мы часто представляем их разделение на фракции в виде генеалогического древа: даже когда туземцы, всегда стремящиеся приписать знатное происхождение, представляют таким образом состав племени или населенного пункта, мы можем быть уверены, что эта концепция в большинстве случаев в корне ложна. Подразделения нынешних групп населения обычно представляют собой не ветви, происходящие от одного и того же основания, а почки, непрерывные привои, помещенные на первоначальное растение, которое иногда становится невозможно различить (Doutté 1903: 186).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Добронравин Н. А. Легенда об Удже в Западной Африке // Востокведение. Филологические исследования. 1999. № 21. С. 113–123.

Добронравин Н. А. Исторические рассказы Северо-Западной Нигерии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 154 с.

Куббель Л. Е. Культурная традиция в информационной сети культуры: функционирование и трансформация // Советская этнография. 1985. № 6. С. 17–28.

Матвеев В. В. Развитие этносоциального сознания у народов Судана в доколониальный период // Этническая история Африки: Доклониальный период. М.: Наука, 1977. С. 46–69.

Матвеев В. В. Традиция и фикция // Africana: Африканский этнографический сборник. Л.: Наука, 1978. Т. 11. С. 134–150.

Ольдерогге Д. А. Западный Судан в XV–XIX вв. Очерки по истории и истории культуры. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 268 с.

Суданские хроники. М.: Наука, 1984. 499 с.

Daly M. W. Darfur's sorrow: a history of destruction and genocide. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. 387 p.

Doutté E. Figuig. Notes et impression // La Géographie. 1903. Т. 7. P. 177–202.

Échard N. L'expérience du passé, histoire de la société paysanne hausa de l'Ader (République du Niger). Paris; Niamey: Institut de recherche en sciences humaines, 1975. 232 p.

Échard N. Note sur l'histoire du peuplement en Ader Hausa (Niger) // Cahier de l'Orstom, série science humaine. 1985. Т. 21, no. 1. P. 13–17.

Farias P. de Moraes. A letter from Ki-Toro Mahamman Gaani, King of Busa (Borgu, Northern Nigeria) about the 'Kisra' stories of origin // Sudanic Africa. 1992. Vol. 3. P. 109–132.

Junaidu, Wazirin Sokoto. Tarihin Fulani. Zaria: Northern Nigerian Pub. Co., 1956. 71 p.

Krieger K. Geschichte von Zamfara, Sokoto-Provinz, Nordnigeria. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1959. 147 S.

Kuba R. Wasangari und Wangara: Borgu und seine Nachbarn in historischer Perspektive. Hamburg: Lit, 1996. 401 S.

Lange D. An Assyrian successor state in West Africa. The Ancestral Kings of Kebbi as Ancient Near Eastern Rulers // Anthropos. 2009. Vol. 104. P. 359–382.

Niane Dj. T. Soundjata ou l'épopée mandingue. Paris: Présence africaine, 1960. 157 p.

Papadopoullou Th. Africanobyzantina: Byzantine Influences on Negro-Sudanese Cultures. Athens: Memoirs of the Academy of Athens, 1966. 169 p.

Raverty H. G. On the Turks, Tatars and Mughals // Travaux de la troisième session du Congrès international des Orientalistes. St. Petersburg; Leiden: E. J. Brill, 1879. Т. 2. P. 74–124.

Robin J. Note sur les premières populations de la région de Dosso (Niger) // Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire. 1939. Т. 1, no. 2–3. P. 401–404.

Stevens Ph. The Kisra legend and the distortion of historical tradition // Journal of African History. 1975. Vol. 16, no. 2. P. 185–200.

Stewart M. H. The Kisra legend as oral history // The International Journal of African Historical Studies. 1980. Vol. 13, no. 1. P. 51–70.

REFERENCES

Daly M. W. *Darfur's Sorrow: A History of Destruction and Genocide*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 387 p. (In English).

Dobronravin N. A. [The Legend of 'U] in West Africa]. *Vostokovedeniye. Filologicheskiye issledovaniya* [Oriental studies. Philological studies], 1999, no. 21, pp. 113–123. (In Russian).

Dobronravin N. A. *Istoricheskie rasskazy Severo-Zapadnoi Nigerii* [Historical stories of North-Western Nigeria]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2004, 154 p. (In Russian).

Échard N. Note sur l'histoire du peuplement en Ader Hausa (Niger). *Cahier de l'Orstom, série science humaine*, 1985, t. 21, no. 1, pp. 13–17. (In French).

Échard N. *L'expérience du passé, histoire de la société paysanne hausa de l'Ader (République du Niger)*. Paris; Niamey: Institut de recherche en sciences humaines, 1975, 232 p. (In French).

Farias P. de Moraes. A letter from Ki-Toro Mahamman Gaani, King of Busa (Borgu, Northern Nigeria) about the 'Kisra' stories of origin. *Sudanic Africa*, 1992, vol. 3, pp. 109–132. (In English).

Junaidu, Wazirin Sokoto. *Tarihin Fulani*. Zaria: Northern Nigerian Publishing Corporation, 1956, 71 p. (In Hausa).

Krieger K. *Geschichte von Zamfara, Sokoto-Provinz, Nordnigeria*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1959, 147 S. (In German).

Kuba R. *Wasangari und Wangara: Borgu und seine Nachbarn in historischer Perspektive*. Hamburg: Lit, 1996, 401 S. (In German).

Kubbel' L. E. [Cultural tradition in the culture information network: functioning and transformation]. *Sovetskaia etnografiya* [Soviet ethnography], 1985, no. 6, pp. 17–28. (In Russian).

Lange D. An Assyrian successor state in West Africa. The ancestral kings of Kebbi as Ancient Near Eastern rulers. *Anthropos*, 2009, vol. 104, pp. 359–382. (In English).

Matveev V. V. [Development of ethnosocial consciousness among the peoples of Sudan in the pre-colonial period]. *Etnicheskaya istoriya Afriki: Dokolonial'nyy period* [Ethnic history of Africa: pre-colonial period]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 46–69. (In Russian).

Matveev V. V. [Tradition and fiction]. *Africana: Afrikanskiy etnograficheskiy sbornik* [Africana: African ethnographic collection]. Leningrad: Nauka Publ., 1978, vol. 11, pp. 134–150. (In Russian).

Niane Dj. T. *Soundjata ou l'épopée mandingue*. Paris: Présence africaine, 1960, 157 p. (In French).

Olderogge D. A. *Zapadnyi Sudan v 15–19 vv. Ocherki po istorii i istorii kul'tury* [Western Sudan in the 15th–19th centuries. Essays on history and cultural history]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1960, 268 p. (In Russian).

Papadopoulos Th. *Africanobyzantina: Byzantine Influences on Negro-Sudanese Cultures*. Athens: Memoirs of the Academy of Athens, 1966, 169 p. (In English).

Robin J. Note sur les premières populations de la région de Dosso (Niger). *Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire*, 1939, t. 1, no. 2–3, pp. 401–404. (In French).

Stevens Ph. The Kisra legend and the distortion of historical tradition. *Journal of African History*, 1975, vol. 16, no. 2, pp. 185–200. (In English).

Stewart M. H. The Kisra legend as oral history. *The International Journal of African Historical Studies*, 1980, vol. 13, no. 1, pp. 51–70. (In English).

Submitted: 21.07.2024

Accepted: 26.08.2024

Article published: 31.12.2024